

Мария Волкова

«СТАРЫЕ МЕСТА»

ОЧЕРКИ

Литературно-художественный журнал «Простор» не в первый раз обращается к творчеству замечательной русской поэтессы первой волны эмиграции, уроженки Усть-Каменогорска, Марии Вячеславовны Волковой (1902-1983). В номере 1 за 2000 год и в номере 3 за 2001 год были опубликованы небольшие подборки стихотворений Марии Вячеславовны, а в номере 10 за 2002 год – ее неизвестные ранее воспоминания, написанные в последние годы жизни в Германии.

В этот раз мы предлагаем нашим читателям ознакомиться с четырьмя очерками Марии Вячеславовны, посвященными старому Джаркенту, Тышкану, Верному и Кокчетаву, где прошли детство и ранняя юность будущей поэтессы, самые счастливые годы ее жизни, как вспоминала она впоследствии. Эти ностальгические зарисовки были впервые опубликованы в первом выпуске альманаха «Сибирский Казак. Войсковой Юбилейный сборник Сибирского Казачьего Войска. 1582-1932» вышедшем в китайском городе Харбине в 1934 году ттцанием Войскового представительства Сибирского казачьего войска.

Думается, что современному читателю, особенно казахстанскому, будет весьма интересно ознакомиться с этими прекрасными картинками давно ушедшей от нас эпохи, доставшимися нам благодаря таланту и удивительной памяти Марии Волковой. Здесь мы увидим подробные зарисовки жизни дореволюционного Джаркента, где в мирное время дислоцировались 1-й и 2-й Сибирские казачьи полки и служил отец Марии Вячеславовны – будущий колчаковский генерал В.И. Волков. Ярко и красочно обрисована жизнь в городе Верном, и, что особенно интересно – это описание знаменитого верненского землетрясения 1910/1911 года, данное глазами восьмилетнего ребенка. Не менее занимательно даны зарисовки патриархального Кокчетаву и жизни в Тышканском военном лагере у подножия Джунгарского Алатау. Впрочем, читатель теперь сам сможет составить свое мнение обо всем этом, прочтя эти очерки.

В приложении даны письма Марии Волковой проживавшему в Париже русско-му литературоведу и писателю Владимиру Андреевичу Рудинскому (1918-2011). В.А. Рудинский в свое время любезно предоставил для публикации в «Просторе» воспоминания Марии Волковой и остался вполне доволен вышедшим материалом. Вскоре он прислал еще два письма поэтессы, относящиеся к начальному периоду

их знакомства, и обнаруженные им в своем архиве. Письма эти датируются 1955 и 1956 годами и довольно интересны с точки зрения творчества и взглядов Марии Волковой, а также дают некоторые штрихи из литературной жизни русской эмиграции того времени.

Все тексты Марии Волковой даются в авторской орфографии и пунктуации, за исключением перевода их из старой русской орфографии, на которой писала поэтесса, в новую.

Максим ИВЛЕВ

ДЖАРКЕНТ

Когда слышу слово «Джаркент» – невольно хочется улыбнуться хорошей, светлой улыбкой. И, должно быть, не мною только, а всеми бывшими «джаркентцами» овладевает чувство, похожее на умиление, когда вспоминается маленький, запрятанный в зелени городок с одноэтажными саманными домиками, широкими улицами, покрытыми толстым слоем лёссовой пыли, нежным, но всегда день и ночь слышным журчаньем арыков и мелодичным, как колокольчики, кваканьем лягушек по вечерам.

Первое впечатление: тишина! – Спокойно и торжествующе смотрит солнце с яркого южного неба. Молча высятся пирамидальные тополя, словно величественные колонны, поддерживающие синий купол. Не спеша текут арыки. Томно струят аромат белые акации. Нега особенная, восточная, разлита всюду...

Второе впечатление: благополучие! Но это не благополучие, переходящее в роскошь, в пресыщение, а какое-то ровное у всех, натуральное, переливающееся через край спокойно и медленно.

Зайдите в любой из этих белых домиков, – и вы найдете скромное, почти везде одинаковое убранство офицерских квартир: низкие тахты, много ковров, китайские безделушки, китайские веера на стенах, – везде тот же уют, атмосферу, располагающую к приятельским беседам, и большие патриархальные семьи. В этих домиках живут по-просту, молодо веселятся и крепко, без лишних слов, умеют любить.

Загляните дальше, в казармы к Сибирским казакам и Туркестанским стрелкам. Там вы увидите людей, занятых своим, им понятным и для них важным и серьезным делом, которое заключается в беспрекословном исполнении долга, и вас поразит неизменное благодушие и приветливость, написанные на здоровых, опаленных кирпичным загаром лицах.

Можно бросить взгляд в любой татарский дом, с неизбежным маленьким гаремом – здесь все полно настоящей азиатской лени и острого ощущения бытия. И на краю города, в жалкой таранчинской мазанке вы тоже не найдете нужды, какая царит обыкновенно в предместьях больших и малых городов. Фрукты и овощи свои у каждого, несколько баранов есть тоже, рис дешев, вот вам и шашлык и пилав – все, что нужно туземцу. Нищих не видно вовсе, ни русских, ни туземцев. Одним словом – маленький рай. И в довершение всего – всего чудный, здоровый климат, от которого и чахоточные выздоравливают, роскошные фруктовые сады, бахчи, виноградники...

Вот в каком диком, затерянном в Туркестанской глуши, но очаровательном своей девственной нетронутостью, уголке приходилось Сибирским казакам проводить долгие годы жизни. До первой железно-дорожной станции было ни больше, ни меньше – тысяча верст, а до родных станиц – и того дальше. Но это никого не смущало. Отдельные лица ездили на перекладных по нескончаемому туркестанскому тракту, воинские же части ходили эшелонам в случае каких-либо перемещений. Тяжелые походы по голым, безводным степям никого не удивляли и совсем не считались подвигом.

Джаркент был почти исключительно военным городом. В нем стояли два казачьих полка, один пехотный и артиллерийская батарея. Гражданское население на добрых три четверти состояло из туземцев: татар, сартов, дунган и таранчинцев. Было две церкви – нарядная, сверкающая позолотой городская и скромная, но уютная военная. Центр торговой жизни был, конечно, на базаре, и все лавки, за исключением потребительской, находились в руках татар и сартов. Насчет учебных заведений дело обстояло слабо: городское училище и гарнизонная школа – и больше ничего. Подросших детей приходилось отправлять в Верный или в Пржевальск, впрочем, мальчиков, по большей части и еще дальше: в корпуса Ташкентский, Оренбургский и Омский.

Городок был маленький, хотя и раскинулся широко благодаря своим нескончаемым садам, занимавшим подчас целые кварталы, – настолько маленький, что в нем все улицы были без наименований. Положим, точных адресов и не требовалось: все друг друга знали.

Жизнь текла тихо и однообразно, имела определенный семейный характер: семья полковая, семья бригадная, семья гарнизонная. В будни каждый вращался в более тесном «своем» кругу, праздники же проводили все вместе в общем военном собрании. Каждое служебное или семейное событие с молниеносной быстротой делалось достоянием всего города. Каждое общественное начинание сейчас же находило живейший отклик и поддержку повсюду. А как умели коротать досуги! В наше время уже трудно себе представить, чтобы можно было так искренно, так непосредственно веселиться, не мудрствуя лукаво, – если танцевали, то до упаду, если устраивали любительский спектакль, то отдавались сцене самозабвенно, находя постоянное одобрение и неподдельную признательность публики.

Кто из джаркентцев не помнит знаменитой «Аркашихи» (m-me Аркашевой), всегдашней устроительницы и режиссерше таких спектаклей! Эта пожилая женщина, жена делопроизводителя 2-го полка, обладала весьма живым темпераментом, большими организаторскими способностями и несомненным сценическим талантом. Комических старух играла бесподобно, да и в обыденной обстановке от ее расплывшейся фигуры, от некоторых выражений, ставших ходячими, и от легкой, а в минуты волнения усиливавшейся шепелявости так и веяло природным комизмом. Аркашиха со своими неизменными атрибутами – «шумочкой» и «жонтиком», – один из ярких джаркентских типов.

Но если уж речь зашла о веселье, то надо добавить, что веселились в Джаркенте не одни офицеры и офицерские дамы, – солдаты и казаки тоже не оставались без развлечений. Главным и излюбленным из них были опять таки спектакли – спектакли солдатские. И в казармах «служению сценическому искусству» отдавались с неменьшим рвением, чем в гарнизонном собрании. Представле-

ния приурочивались, обыкновенно, к каким-либо праздникам – сотенным, ротным, святкам, масленице и т.п. Не раз в детские годы приходилось мне бывать в сотне моего отца на казачьих спектаклях, устраивавшихся под его руководством. Не забуду того удовольствия, какое доставляли мне подобные зрелища. Многие из казаков играли очень выразительно, соблюдая чувство меры, некоторые впадали в карикатурность; всего же забавнее выходили женские роли. Для этих ролей было не легко найти исполнителей: наряжаться «бабой» никому не хотелось, к тому же надо было обладать тонким голосом, который на сцене обязательно переходил в пискливый. Не обходилось иногда и без маленьких инцидентов. Так, однажды, на одном из спектаклей, в сцене, где деревенский ухажер спасается через окно от преследования, старательный актер, окончив свой монолог, провозгласил без знаков препинания: «Пауза лезет в окно» и тогда только проделал свое акробатическое упражнение под громкий хохот зрителей... Казаки были полными хозяевами на своих вечеринках, а офицеры с женами и детьми (только свои, сотенные) – гостями. Отношения были простые, не натянутые, – опять таки чувствовалась семья.

Вообще, между офицерами и казаками вовсе не было той пропасти, на которую впоследствии любили указывать те, кому это было выгодно. Офицерские дети сплошь и рядом вырастали на руках казаков-денщиков. У меня, например, сохранились самые трогательные воспоминания о моих усатых «нянях»... Обращение было на «ты» с обеих сторон. Слов «барышня», «барич» не было в обиходе. Просто: «Коленька», «Таечка» и т.п., хотя бы эти Коленьки носили кадетский мундир, а Таечки были 16-летними девицами. «Барыни» же, обыкновенно, знали биографию своих домочадцев-казаков, писали за них письма на родину – в случае надобности, лечили подручными средствами – в случае болезни. Помню, как одна «бригадная командирша» спасла вестового своего мужа от грозившей ему ампутации руки. Полковому врачу не хотелось возиться с почерневшей, запущенной рукой, и он приговорил казака к существованию калеки, а гордая генеральша, которой в обществе побаивались за суровость и деспотичность, терпеливо делала изо дня в день перевязки больному и вылечила его совершенно...

Очень сближали казаков с офицерами и частые охоты на горных козлов – в отрогах Ала-Тау – или на кабанов – у поросшего буйным камышом озера Балхаш, когда несколько десятков казаков и несколько офицеров предавались вместе увлекавшему всех спорту. Вместе преследовали быстрых животных, вместе располагались у костра, на котором шипел казан с убитой дичью, ночевали в одних и тех же киргизских юртах...

Эта привольная, самобытная, бодрая жизнь неизбежно захватывала всех, кому хоть год, хоть два пришлось пожить ею. Не говоря уже о настоящих джаркентцах, которые лишь на короткое время расставались с Семиречьем, чтобы потом опять в него вернуться из Войска, или из командировки, или о детях, которые родились и выросли в Джаркенте и которым и в позднейшие годы их жизни он казался светлым, зеленым островком среди далеко недружелюбного моря, – нет, даже люди посторонние, которых забросила в азиатскую глушь судьба да Монаршая воля, люди светские, привыкшие к широкой цивилизованной жизни, – и те не могли не поддаться очарованию Джаркента.

В конце девяностых годов прошлого столетия Сибирской казачьей бригадой командовал уральский казак генерал Толстов¹, человек сделавший благодаря своим способностям и безупречному отношению к службе, очень быструю карьеру. У него была большая и дружная семья, которая сразу сделалась центром общественной жизни всего гарнизона. Говорят, что никогда джаркентцы не веселились так, как в это время, никогда военные чины не чувствовали себя так хорошо и непринужденно, как под управлением этого гуманного и справедливого начальника. Он был во всем примером для других. Часто экспромтом, в сопровождении одного лишь адъютанта, совершал он верховые поездки по 200 – 300 верст, чтобы лично ознакомиться с жизнью и нуждами казаков на постах, разбросанных в ущельях и на горных склонах вдоль китайской границы. Его любили, и он относился, ко всем без исключения, с неизменным ласковым доброжелательством. После командования Сибирской бригадой он шагнул в гору: был назначен на Кавказ военным губернатором и в то же время Атаманом одного из Кавказских казачьих войск, вел шумную, светскую жизнь; затем, выйдя в отставку, жил почти безвыездно в Петербурге, но всегда говаривал, что нигде не чувствовал себя таким счастливым, как в Джаркенте.

После С.Е. Толстова Сибирскую бригаду получил генерал Жигалин², тоже уралец, но человек совершенно иного склада, очень замкнутый и нелюдимый, так же, как и его жена. В Джаркенте тогда все как-то притихло, но зато при следующем бригадном – симпатичном, добром, хотя порой и вспыльчивом, – генерале Калитине³, который пробыл здесь до самой Великой Войны, снова вздохнулось легко и свободно, хотя жизнь начала понемногу принимать менее патриархальные и более светские формы. Ген. Калитин, так же, как и его семья, вначале был в отчаянье, что его бросили в такой медвежий угол, но скоро привык к Джаркенту и тоже полюбил его.

Своеобразных чар Джаркента не избежал и генерал Краснов⁴, выдающийся командир 1-го Сибирского казачьего полка и реформатор, ныне всем, и русским, и иностранцам, известный писатель. В своих «Опавших листьях» он в мягких и любовных тонах описал бесхитростную джаркентскую жизнь и чудную дикую природу Семиречья. И доныне, по его собственному признанию, которое пришлось прочесть на страницах «Сибирского Казака», он постоянно вспоминает

¹ Толстов Сергей Евлампиевич (1849-1921) – генерал от кавалерии (1905), участник Хивинского похода 1873 и Русско-турецкой войны 1877-1878. В 1895-1899 – командующий Западно-Сибирской казачьей бригады в Джаркенте. В 1899-1905 – наказной атаман Терского казачьего войска и губернатор Терской области. Расстрелян красными в концентрационном лагере на Северной Двине в марте 1921. – М.И.

² Жигалин Владимир Иванович (род. 1851) – генерал-лейтенант (1909), участник Русско-турецкой войны 1877-1878 и кампаний 1875 и 1880-1881 в Средней Азии. В 1899-1909 – начальник Западно-Сибирской казачьей бригады в Джаркенте. В 1909-1911 – начальник Забайкальской казачьей бригады. С 1911 в отставке. – М.И.

³ Калитин Петр Петрович (1853-1927) – генерал от кавалерии (1915), участник Хивинского похода 1873 и кампаний 1875-1876 и 1880-1881 в Средней Азии, Первой мировой и Гражданской войны. В 1909-1915 начальник Западно-Сибирской казачьей бригады, затем командир 1-го Кавказского армейского корпуса. Умер в старческом доме в эмиграции во Франции, похоронен на кладбище Сент-Женевьев де Буа. – М.И.

⁴ Краснов Петр Николаевич (1869-1947) – генерал от кавалерии (1918), атаман Всевеликого Войска Донского, известный писатель и журналист. В 1911-1913 – командир 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка в Джаркенте. С 1920 в эмиграции в Германии и Франции. В 1944-1945 – начальник Главного Управления казачьих войск Министерства Восточных территорий Германии. В мае 1945 выдан англичанами в СССР и повешен 16 января 1947 в Москве. – М.И.

«счастливые», незабвенные годы своего командования доблестными Ермаковцами и прибавляет, что они ему «бесконечно много дали»...

Последнее, перед войной, время можно по справедливости, назвать «красновским периодом Джаркента». Личность этого крупного человека сначала заполнила собой все уголки жизни подчиненного ему полка, затем объединила всю бригаду, благодаря общему соревнованию в области скакового спорта и, наконец, подняла вообще культурный уровень скромной жизни захолустного гарнизона.

Началось с чисто внешних преобразований в полку: бритья бород, придававших казакам немного запущенный вид, обращенья внимания на щеголеватость обмундирования и седловки, распределения лошадей в сотнях по мастям. Последняя мера вызвала массу протестов и недовольства ввиду того, что у казаков лошади свои, не казенные, а приходилось меняться ими или переходить из одной сотни в другую. Зато полк приобрел небывалый доселе стройный, молодежавший, красивый вид.

Благодаря ученьям, маневрам, частым тактическим занятиям – и казаки, и офицеры подтянулись и стали несравненно выше в строевом отношении. Полковник Краснов, любитель скачек и большой знаток лошади, сумел привить любовь и интерес к ним в среде подчиненных ему офицеров. И вот, мохнатые «киргизы» и «туркменки», на которых ездили до той поры казачьи офицеры, начинают уступать место кровным лошадям, которые выписываются целыми партиями с заводов Европейской России. Начинают от времени до времени устраиваться конские пробеги, казачьи джигитовки и офицерские конкуры, и очень скоро завоевывают всеобщий успех и раз навсегда входят в моду. Параллельно с 1-м полком проходит почти те же стадии и 2-й, не желая отставать от Ермаковцев. Конкурры становятся общими, офицеры обоих полков принимают в них одинаково пылкое участие.

Желая создать в своем полку особые традиции, полк. Краснов ввел обязательное в парадных случаях ношение особых «ермаковских» сабель, заказанных по его проекту в Петербурге. Насмешники прозвали тогда эти сабли «дедовским оружием», но не смотря на это, носили их с таким же удовольствием, как и другие. Сабли были очень красивы: ножны из алого сафьяна в серебряной оправе, эфес из слоновой кости с серебром, а на клинке чеканное изображение головы шефа полка, Ермака Тимофеевича.

Трубачи 1-го полка недаром славились в то время своим искусством, – на это тоже было обращено внимание. Командир заказал одному композитору в Петербурге марш для полка на тему славной войсковой песни «Ревела буря», и этот марш играли потом на всех церемониях. Генерал Калитин шел навстречу всем этим новшествам и они быстро воспринимались и прививались. Полковника Краснова, может быть, многие ретрограды и насмешники не любили, но безусловно все уважали и преклонялись перед его необыкновенным организаторским талантом. Его школа не прошла бесследно: в Великую войну на турецком фронте 1-й полк не раз это доказал, а традиции полка остались неизменными и в дни гражданской войны в бескрайних степях Сибири.

Насколько в военной сфере велики были заслуги П.Н. Краснова, настолько в области эстетической незабвенна для джаркентцев роль его супруги Лидии Федоровны. Известная камерная певица Бакмансон, солистка вдовствующей

Императрицы, она, выйдя замуж, оставила подмости и выступала лишь изредка в частных концертах. И в тихом Джаркенте, где так примитивны были запросы и так неизбалована публика, Лидии Федоровне пришла мысль освежить эти бесхитростные, простые души, дать им давно неиспытанное наслаждение чистым искусством. И вот она попробовала устроить концерт для тесной полковой семьи. Нашлась и аккомпаниаторша, отличная пианистка – жена батареинного командира Никольского. Концерт имел неопиcуемый успех. Чудный, сильный голос Л.Ф. Красновой, умелый выбор программы и прочувствованное исполнение завоевали все сердца. Неприглашенная публика из других полков стояла за окнами собрания и тоже наслаждалась пением. Когда, однажды, получив букет «от признательной галерки», Лидия Федоровна узнала, что и другим хочется ее послушать, она стала петь уже для всех...

Когда П.Н. Краснов получил другое назначение – об этом все жалели. Не хотелось расставаться с образцовым командиром и администратором. Жаль было и мать-командиршу с серебряным горлышком... Краснов ушел, но дух его остался в полку, а имя крупными буквами занесено на страницы истории Сибирского Войска.

Полк принял новый командир, полк. Э.А. Раддац⁵ – и с первых же шагов показал себя достойным преемником П.Н. Краснова, т.к. без малейшего изменения следовал установленным им порядкам. Это был рыцарь с головы до ног. Справедливый командир, безупречный офицер, хороший товарищ, человек с аристократическими манерами и гвардейской закваской. Сначала не нравилось его иностранное происхождение и сильный немецкий акцент. Многие подтрунивали над неправильностями его речи, передавали его возглас во время полкового ученья: «уберите этих собаков», но скоро все привыкли к нему и полюбили за душевную прямоту и неизменную корректность. Очаровательная, молоденькая и веселая жена Эрнеста Августовича тоже охотно вступила в полковую среду, всюду внося оживление своим присутствием...

Так будни сменялись праздниками, житье в городе – стоянкой в лагерях, один начальник другим, а сущность джаркентской жизни, прочный и мирный ее уклад, оставались все те же, хотя и слегка уступали новым веяньям.

В 1911 году лишь ненадолго всколыхнула мобилизация: ожидалась война с Китаем. Джаркент переполнили тогда чужие части, и обитателям его впервые пришлось призадуматься над «квартирным вопросом». Потом опять река надолго вошла в свои берега. Цвела сирень и акация, зрели персики, наливались гроздья винограда, спокойно, не причиняя друг другу вреда, простые и неиспорченные, жили, рождались и умирали люди, исполняя свой скромный, незаметный долг в далеком углу огромной Империи.

И вдруг грянул гром – прокатилась весть о войне с Германией!

И сразу все, все изменилось.

Джаркент угас...

Остались саманные домики, остались тополевые аллеи, остались таранчинцы с яркими георгинами за ушами и дунганки с серебряными денежками в косах, а душа города отлетела навсегда...

⁵ Раддац Эрнест-Август Фердинандович (1868-1918) – генерал-лейтенант, участник Русско-японской и Первой мировой войны. В 1913-1915 – командир 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка в Джаркенте. В 1915-1916 командующий Сибирской казачьей бригадой. Убит большевиками на станции Ладожской Кубанской области. – М.И.

По милым тенистым улицам промаршировали бодрым, размашистым шагом коренастые, загорелые Туркестанские стрелки во главе со своим командиром, седобородым «дедушкой» Селядцевым⁶. В последний раз! И не слышалось больше обычных шутливых возгласов казаков «пехота не пыли!»

Потянулись и стройные казачьи колонны, оглашая топотом копыт погружающийся в сон городок. Эхо последней казачьей песни осталось в верхушках тополей. Песня эта отзвенела на век...

Джаркент отошел в прошлое, а джаркентцы вступили в новую полосу своего существования... Эта полоса для Сибирских казаков означала Персию, Кавказ, Турцию, а потом – родную Сибирь, смятенную братоубийственной распрей...

В эти бурные годы много, так много джаркентцев нашло свой покой в могилах с крестами и без крестов. А иные из них кончили свой век чужими пришельцами в чужих краях...

Где всеми любимый и уважаемый бригадный, а впоследствии – корпусной командир, Петр Петрович Калитин, сподвижник Скобелева, из рук его получивший Георгиевский крест? – В Париже в страшной безысходной нищете угас престарелый герой двух войн... А северный рыцарь, Э.А. Раддац погиб в год революции где-то на Кавказе. Говорят, ему отрубили ноги, и он умер истекая кровью... Командир 2-го полка, добрый, отзывчивый, безукоризненно честный и правдивый полковник Семен Васильевич Буров⁷, настоящий отец для своих подчиненных, зачах в изгнание.

Из офицеров близкого мне 1-го полка почти никто, никто не уцелел.

Генерал П.П. Калитин

Нет ни грузного гиганта полк. Е.Н. Осипова, внешне угрюмого и несообщительного, а на самом деле добродушного человека, отличного семьянина и любителя вкусно покушать, ни спокойного, уравновешенного Д.С. Калачева, который знаменит был своей женой, энергичной и бойкой «Кланечкой», вершившей с большим успехом хозяйственные дела мужниной сотни, ни адъютаната В.Н. Водопьянова, погибшего в Сибири, в тюрьме. Нет и командира 1-ой сотни рыжебородого Рожнева, нет и старого «барона» Берникова с двумя цветущими сыновьями «бароненком» и «Бабаем» – один пал смертью храбрых на Кавказе, другой в Сибири... И герой Ардагана, В.И. Волков⁸, командир 4-й сотни, спит

вечным сном в Сибирской тайге, так же, как и его старший офицер И.Н. Красильников, впоследствии начальник известного в Сибири партизанского отряда.

⁶ Селядцев Афанасий Андреевич (1849-1915) – полковник, участник Русско-турецкой 1877-1878, Русско-японской и Первой мировой войны. В 1911-1915 командир 21-го Туркестанского стрелкового полка. Убит в атаке на германские позиции. Посмертно произведен в генерал-майоры. – М.И.

⁷ Буров Семен Васильевич (1863-1929) – генерал-майор (1917), участник Русско-японской и Первой мировой войны. В 1910-1915 командир 2-го Сибирского казачьего полка. С 1922 в эмиграции в Корею. – М.И.

⁸ Волков Вячеслав Иванович (1877-1920) – отец Марии Волковой, генерал-майор (1918), участник Первой мировой и Гражданской войны. В 1897-1917 служил в 1-м Сибирском казачьем Ермака Тимофеева полку. В 1918 организовал в Омске свержение сибирской Директории, приведшее к власти адмирала А.В. Колчака. Застрелился в феврале 1920, попав в окружение к красным во время Великого Сибирского Ледяного похода. – М.И.

Другой прогремевший в Семиречье партизан Б.В. Анненков⁹, вышедший тоже из рядов 1-го полка, большой любимец П.Н. Краснова, страстный спортсмен и лихой офицер, хотя и с немалой долей авантюризма, был расстрелян в 24 году¹⁰. А где милая, веселая молодежь: П.Г. Иванов, В.Н. Еркровский, Геннадий Самсонов, Семен Федорович Дорогов-Иванов, славный, добродушный мордвин, который всех полковых барышень не старше 10 лет называл своими невестами, А.П. Калачев, Ленечка Бородихин? Все, все ушли в страну, откуда нет возврата... Осталась лишь память о них у тех, кто их видел, знал, кто с ними вместе жил когда-то, правда давно, страшно давно, под безоблачным небом Джаркента...

Возможно, что рассеянных повсюду джаркентцев очень мало. Пусть так! Но мне хочется им, немногим, мысленно пожать руку и напомнить то время их жизни, которое, пожалуй, совсем уже заслонили заботы и кошмар настоящего... Теперь мы так редко видим солнце – пусть же оно проглянет к нам хоть на миг из ушедшей в былое страны песков, шумных рек, голубых гор и тенистых виноградников.

Недалеко от китайской границы, у подножия Алатау есть и теперь город на крутом, глинистом берегу реки Усека – почему и называется по татарски «Город на яру». Он весь тонет в садах. И тополя в нем все те же, и также узывно в буйных зарослях жасмина и сирени по ночам поют соловьи, и также волшебным образом цветут яблони и персиковые деревья весной, а летом благоухают акации. Но прежнего, милого Джаркента давно нет!

Песня отзвучала и замерла...

Вячеслав Иванович
Волков

19 января 1933 г.

ТЫШКАН

Помню: яркое, синее небо и по нему вереницей невиданных чудовищ быстро-быстро проносятся облака. В эту синеву уперлась огромная гора в сверкающей снежной шапке, а к ней примкнули, образуя угол, с одной и другой стороны горные цепи пониже, как щетиной обросшие соснами. На склоне одной из этих цепей разбросаны там и сям маленькие домики. Нет ни заборов, ни улиц. Всюду – сочная, зеленая трава, в ней алеют крапинки дикой клубники. Я лежу на земле, смотрю в лазурную бездну и, по временам, тяну руку к соблазнительным ягодам. Где-то далеко слышится бляньне несчетного стада баранов, гулко повторяемое эхом. Кажется, вокруг никого. Весь мир растворился в тишине, лени и ласке солнца. И вдруг – сонный, недвижимый воздух прорезывает неожиданный звук трубы. Он

⁹ Анненков Борис Владимирович (1889-1927) – генерал-майор (1919), участник Первой мировой и Гражданской войны. В 1908-1914 служил в 1-м Сибирском казачьем Ермака Тимофеева полку. С 1918 атаман Партизанского отряда (затем дивизии) в Сибири и на Урале. В 1919-1920 командующий Отдельной Семиреченской армией. С 1920 в эмиграции в Китае. В 1926 арестован и вывезен в СССР. Расстрелян после суда в Семипалатинске в 1927. – М.И.

¹⁰Здесь М.В. Волкова ошибается – атаман Борис Владимирович Анненков был расстрелян 24 августа 1927г. – М.И.

трепещет, вибрирует, летит на серебряных крыльях куда-то высоко, выше гор, выше облаков и зовет, зовет за собою. Маленькая, только недавно осознавшая себя душа переполняется странным волнением и ей тоже хочется взвиться и полететь, чтобы догнать и остановить эти звуки...

Дикий простор, бесконечность далей, трели походного сигнала – первые отчетливые впечатления детства. Это – Тышкан!

Разве можно забыть Тышкан, – это продолжение и завершение Джаркента? Разве можно забыть эту жизнь, чуждую всяких благ комфорта, простую, незатейливую, но, несмотря на то, полную колоритной прелести?

Уже один только воздух высот, особенный, разреженный, мог прогнать все немощи, телесные и душевные, целительным бальзамом вливаясь в грудь. Солнце бросало свои лучи, не изнуряя, а бодря, и ласково обливало загаром лица. Вид мощных хребтов и глубина неба настраивали душу на торжественный и возвышенный лад. Человек становился здесь как-то чище, свежее, нравственно подобраннее. И потому с наступлением весны каждый истый джаркентец чувствовал неотразимую тягу на Тышкан, и день 15 мая, в который, обычно, казаки, а также артиллерия и пехота, выступали в лагерь, был, в своем роде, праздником.

Начиналось великое переселение.

Шли походным порядком части. На тройках, в объемистых тарантасах, ехали семьи офицеров со всеми пожитками, необходимыми для долгого пребывания на даче. Скрипели арбами татары и таранчинцы – бойкий торговый люд, кормившийся около «урусов».

Как хороша была степь, усеянная мириадами полевых цветов! Пестрели лютики, кукушкины слезки, куриная слепота, колокольчики. Кое-где расстились гигантские желтые ковры кунжута. В стороне иногда маячили полуразвалившиеся муллушки. На полпути была маленькая таранчинская заимка, «кишлак» – обычное место привала. Дальше дорога шла уже заметно в гору и тяжело нагруженные двуколки и тарантасы двигались медленнее. И вот, наконец, после утомительного сорокаверстного перехода, Тышкан принимал своих ежегодных гостей, радушно улыбаясь всеми небрежно рассыпанными бараками!

Лагерь широко раскинулся на покатом предгорье. При въезде было нечто вроде предместья, с туземными лавчонками и навесами базара. Дальше шли офицерские бараки, среди которых один выделялся своими размерами: в нем было собрание. Справа урочище имело естественной границей кручу обрыва, под которой, разбившись на несколько рукавов, ревела и злилась Тышканка. Слева был расположен собственно лагерь, состоявший из множества одинаковых, в строжайшем порядке разбитых палаток с передней линейкой, обсаженной пирамидальными тополями.

Весь лагерь перерезывал извилистой чертой «Большой Арык», из которого брали питьевую воду. Вода эта была необыкновенно вкусна, прозрачна, как слеза, и мутнела только за чертой лагеря, где солдаты стирали белье и купались в особенно знойную погоду. Через Арык было перекинуто несколько мостиков, т.к. он, действительно, был большой, местами сажени в две шириной – в противоположность скромным джаркентским арычкам.

Чем дальше к горам – тем реже попадались бараки. У самого подножья кряжа волнистыми и мягкими очертаниями ласкали глаз холмы, весной совершенно голубые от незабудок. От этих холмов, перпендикулярно Большому Арыку,

сбегали лога – глубокие промоины, результат буйных горных ливней в течение многих столетий. Лога поросли травой и цветами, в них много было больших камней самой замысловатой формы и они служили из года в год местом для игр тышканского населения младшего возраста.

Бараки, жилища семейных и холостых офицеров, стояли на небольшом расстоянии один от другого, без малейшего намека на какой-либо забор, – так что жизнь каждого их обитателя была как на ладони для всех окружающих. Удобств не было никаких. Даже кухни были устроены по большей части на походную ногу: на открытом месте кое-как складывалась русская печь или плита, в землю вбивался примитивный стол и над всем этим сооружался навес – подобие какого-то балдахина. Стены бараков продувало ветром, но – что гораздо хуже – почти все крыши протекали, так что во время сильных дождей постели злосчастных дачников нередко превращались в ванны! Приходилось кочевать из угла в угол, из одной комнаты в другую. Пол уставлялся тазами и ведрами, в которые щедро капала вода. А утром золотое солнце так подкупающе благостно глядело с очистившегося за ночь неба, что заставляло недоспавших людей расправить свои недовольные лица и радоваться жизни вместе со всей природой, освеженной грозой.

Вечером на освещенных открытых террасах отбою не было от всяких ночных насекомых; в иные года их было такое множество, что они покрывали скатерть сплошным слоем. Это было страшно неприятно, так же, как и частые визиты лягушек, проникавших в комнаты через огромные щели в полу. Но никто как то не огорчался всерьез всеми этими маленькими и большими неудобствами, брали жизнь такую, как она есть, и три лагерных месяца проходили быстро и незаметно. Случалось, что для всех не хватало бараков – тогда оставшиеся без крова офицеры снимали у киргиз юрты на все лето и жили на подобие настоящих кочевников.

Весь лагерь был гол. Лишь возле барака бригадного, стоявшего на живописном месте в центре лагеря, над Большим Арыком, росло несколько карагачей¹¹, да передняя линейка украшена была тополями. Но впечатления уныния не было. С утра до вечера жизнь кипела, как в муравейнике. Слышались звуки различных сигналов, учебная стрельба, захватское пенье казаков или пехоты, ржанье лошадей, рев ишаков на базаре и постоянный немолчный шум Тышканки, к которому сразу было очень трудно привыкнуть. На широком плацу учились казаки и солдаты. Сновали офицеры, бодрые, подтянутые, посмуглевшие. Резко раздавались слова команды. Дымилась походные кухни. Возле печек под открытым небом сутились денщики-повара, стряпая обед. Полковые дамы занимались домашними делами, чаще всего – чисткой ягод: мелкой, но необычайно ароматной полевой клубники или горной малины, в изобилии приносимых в лагерь киргизятами – варили варенье, а иногда и просто предавались сладкому ничегонеделанию. Дети, предоставленные самим себе, играли в «казаки» или в «разбойники», прятались в логах и бродили, разувшись, в Большом Арыке, собирая красивые камешки или лова руками забравшихся в заводи форелей.

В середине дня все утихало. Везде в одно время обедали, а после обеда отдыхали, прячась под кровлей от палящих лучей. Потом опять начиналось оживление. Мелькали офицеры, позвякивая шпорами. Дамы с накинутыми на головы ярчайшими китайскими шарфами и няньки, окруженные выводками детей, шествовали

¹¹ Карагач – значит черное дерево, местное название вяза (прим. М. Волковой).

к горам за цветами. Большие, веселые компании отправлялись в ущелье, где так круты тропинки, ароматны цветы и где в расселинах скал таится ядовитый «иссыкульский корешок».

Проносились оживленные кавалькады. Помню, как хороша была стройная, стильная наездница, жена казака артиллериста – Е.А. Самсонова, в темной амазонке, цилиндре, с тоненьким стэкком в обтянутой лайкой руке. Красиво ездил по-мужски, в черкеске, одна из дочерей бригадного, Наташа Калитина. Лихо и задорно носилась, тоже в черкеске и страшно заломленной папахе интересная и темпераментная м-ме Блохина.

Более тяжелая на подъем публика пила чай на террасах своих «вилл». Над Б. Арыком, у знаменитой «скворешницы», – самого крошечного тышканского барака, – ее хозяева, молодые хорунжие Анненков и Артифексов дрессировали своего любимца, фокс-терьера Джэка, что собирало всегда не мало зрителей. На площадке за передней линейкой юные офицеры и барышни с хохотом бегали на «гигантских шагах» и тут же толпились ребятишки, ожидая своей очереди. Откуда-то нескладной какофонией доносилась сыгровка трубачей.

Но вот начинало вдруг темнеть. Небо окрашивалось в самые странные, неправдоподобные цвета. Солнце ныряло за горизонт и почти без сумерек наступала ночь. Лагерь настораживался. Играли зарю. В тишине четко раздавалось пение молитв, поднимаясь к горным вершинам... Утомленные дневными занятиями казаки и солдаты крепко засыпали в своих палатках. В бараках бодрствовали дольше...

По праздникам кишмя кишело собрание и оттуда на весь лагерь разносились томные звуки вальса и веселое притопывание мазурки. И была бесконечная красота в этой гармонии: темные силуэты гор, бархатное небо, испещренное падающими звездами и рыданье серебряного корнета, ведущего мелодию под глуховатый аккомпанемент всего хора...

За весь лагерный сезон, обыкновенно, раза два три устраивался конный праздник. В программу входили гладкие скачки, а, главное – джигитовка. Под растянутыми навесами палаток собиралась публика: цветник дам, офицеры-хозяева, гости из других полков и немало жизнерадостной детворы. Любо было посмотреть на молодцов-казаков, с медно-красными или бронзовыми от загара лицами – как лихо, с какой неподражаемой ловкостью проделывали они головоломные номера! А сколько дикой экзотической удалы было в заключительной части джигитовки – похищении невесты! Тут и топот, и стрельба, и бесшабашное исканье, словом – поэзия степей!

Так катились дни. Становилось все жарче, трава начинала желтеть. Таранчинцы привозили из Джаркента вишни, садовую клубнику, потом – урюк, персики и абрикосы, а также произведения джаркентских огородов. В кишлаке на полдороге можно было проездом освежиться ранними дынями. Затем наступала пора винограда, и янтарные, и сизые гроздья начинали красоваться на столе у тышканских жителей. И каждый чувствовал, что близок конец лагерному приволью.

Проходили маневры, душою которых были ген. Калитин и полк. Краснов, умевшие сделать их интересными и захватывающими. Долго потом офицеры разбирали и комментировали различные моменты, причем не обходилось без горячих споров.

Отгремела артиллерийская стрельба, производившая в горах особенное впечатление. Батарея снимается с полигона. Видно, что лагерь доживает последние дни.

Отслужившие свой срок казаки уходят эшелонам домой, в Сибирь. Их провожают молебном и сердечными напутствиями. Лагерь все пустеет. Киргизы забирают юрты и коров, отданных «на прокат». Мало-помалу семьи разъезжаются. Манит Джаркент обилием фруктов и тенью садов после Тышканской оголенности. Вот уже и пехота, брэнча котелками, отправляется на зимние квартиры. Свертываются последние палатки. Уходят казаки. Исчезают и самые запоздалые «дачники». Бараки наглухо забиваются досками и лагерь погружается в глубокую тишину если не считать вечного грохота Тышканки.

И молчит до следующего лета.

15 марта 1933 г.

ВЕРНЫЙ

С Верным тоже была связана жизнь казаков: в нем всегда стояли одна или две сотни 1-го полка. Это была хорошая стоянка, не то, что какой-нибудь Хоргос или Урумчи! Город большой и, по сравнению с Джаркентом, – «европейский», – столица Семиреченской области, резиденция губернатора и архиерея. Он мог бы по справедливости считаться и культурным центром, т.к., не говоря уже о многочисленных школах, как русских, так и татарских, в нем было две гимназии, епархиальное училище и учительская семинария. Много было действительно хороших магазинов. Торговля шла бойко, причем процветало и русское купечество, не только туземное. Работали заводы – кожевенные, пивоваренный и маслостойный.

К городу примыкали форштадты: Большая и Малая Алматинские станицы, населенные потомками Сибирцев, казаками Семиречья, и Дунганская слободка. В самом городе все дома были деревянные, т.к. после страшного землетрясения 1888 года¹², разрушившего все до основания, было запрещено в черте города сооружать каменные и глинобитные постройки. В станицах, наряду с деревянными домами зажиточных казаков, можно увидеть и саманные – тех, что победнее. Дунганская же слобода сплошь состояла из мазанок и являла жалкое зрелище крайней нищеты.

Жизнь казаков в Верном протекала в исполнении тех же обязанностей, в том же непрерывном служении долгу, как и в других уголках Семиречья и Сибири. Монотонность ее разнообразилась изредка охотой на кабанов у озера Балхаш, или преследованием неуловимой шайки разбойника-туземца Анаят-Али.

Но в 1909 году казакам 4-ой сотни 1-го полка, которою командовал тогда как раз мой отец, пришлось стать очевидцами необыкновенного и страшного события – известного верненского землетрясения¹³. Воспоминания о нем и до сих пор свежо в моей памяти, несмотря на то, что я была тогда семилетним ребенком, и раз пришлось к слову – не могу не поделиться вкратце своими тогдашними впечатлениями.

Это было перед самым Рождеством. Все кругом готовились к празднику, и, вдруг, в ночь на 23 декабря, разбушевалась стихия!

¹² Здесь М.В. Волкова ошибается – разрушительное Верненское землетрясение произошло в 1887 году. – М.И.

¹³ Здесь М.В. Волкова опять ошибается – Верненское землетрясение произошло 22 декабря 1910 года (4 января 1911 г. по н.ст.) – М.И.

Помню, мне снилось крушение поезда; казалось, я слышу треск ломающихся вагонов, лязг цепей, грохот и странный вой. Проснувшись я оттого, что отец мой порывисто выхватил меня из кровати, чтобы на меня не обрушилась печь, вблизи которой я спала. Я сейчас же очнулась и сразу поняла, что творится что-то из ряда вон выходящее. Страшное завывание продолжалось и наяву: это был подземный гул. Дом наш словно ожил и кряхтел, как больной старик. Было темно и жутко. Мать моя была в панике, повторяла слово «землетрясение» и все порывалась выбежать на улицу неодолею, как была. В таком состоянии, как пришлось слышать впоследствии, были в ту ночь почти все обитатели Верного. Отец, со свойственным ему во всех случаях жизни самообладанием, зажег свет, настоял на том, чтобы мы хорошо и тепло оделись, привел в полный порядок себя и только тогда открыл выходную дверь и вывел нас во двор. Проходя через столовую, я заметила, что висячая лампа качалась, будто кто нарочно ее толкнул. На крыльце нас встретили казаки – вестовой и денщик отца. На плечах у них были одеяла. Они не успели даже одеться, как следует, выскочив спросонок из своего флигеля, и как раз вовремя, т.к., вслед за тем, рухнула огромная русская печь и обвалился потолок. Во дворе слышны были вопли и причитания: там собралась семья нашего домохозяина, купца-кожевника, с прислугой и работниками-киргизами.

Было не совсем темно, а так, какой-то белесоватый, мутный полумрак. Жуткое впечатление производил скрип балок в домах и амбарах. Отовсюду несло жалобное мычание и бляенье встревоженных животных. Вороны и галки носились стаями с громким карканьем. Земля под ногами колебалась так, что кружилась голова.

Последствия землетрясения в Верном.

Отец распорядился развести костер, вернулся в дом, несмотря на протесты матери, принес оттуда шубы, одеяла и ковры, и устроил нам на двух, связанных вместе, кроватях безопасное ложе, т.к. предвидел возможность возникновения трещин. Тем временем вестовой поседлал ему коня и он наметом помчался в сотню, чтобы узнать, как перенесли землетрясение его казаки.

Вернулся он утром, когда уже совсем рассвело, печальный и сумрачный. Рассказал, что в казармах, кроме нескольких легко ушибленных казаков, никто не пострадал, в городе же было очень много несчастных случаев, но особенно пострадали предместья, где разрушения ужасны. Сотни людей остались без крова и без куска хлеба.

– «Надо помочь, помочь немедленно», – взволнованно говорил отец и, наскоро успокоив мать и уговорив ее оставаться в квартире, т.к. бояться нечего – дом деревянный, уехал, вместе с нашим соседом-доктором, в городскую больницу, а оттуда в наиболее потерпевшие части города. Полученное к празднику жалованье, как раз пришлось кстати... Но, главное, надо было скорей организовывать раздачу пищи голодным и обездоленным, т.к. городские власти растерялись. Отец распорядился отправкой походных кухонь в город. И вот из улицы в улицу, с утра

до вечера в течение первых трех дней после несчастья, ездили, дымясь, походные кухни и каждый нуждающийся мог подкрепить свои силы жирными, горячими щами с кашей и вкусным солдатским хлебом. Позднее и пехотный полк стал высылать свои кухни, следуя примеру казаков. Как некогда русские моряки помогли в самый трудный момент жителям разрушенной Мессины¹⁴, так и Сибирские казаки первыми пришли на выручку пострадавшим верненцам.

Вечером того же дня отец, сдвинув брови, рассказывал об ужасных увечьях которые он наблюдал в больнице, о разрушениях в городе и его окрестностях. Он видел страшные расселины и провалы без дна, через которые лошадь боялась перепрыгнуть. Он рассказывал о потрясающих жутью случаях, когда люди попадали в трещины и на глазах близких поглощались вновь сомкнувшейся землей, о найденных головах, оттертых от туловища, о разрушенных сорвавшимися скалами горных киргизских аулах... Ужас навис над Верным...

В Сочельник мы отправились со знакомыми осматривать Малую Алматинскую станицу и Дунганскую Слободку. Боже, каких только причуд стихии не насмотрелись мы! Здесь дом как будто провалился в яму, а вокруг нелепо торчат оставшиеся на прежнем месте надворные постройки. Там улица опустилась, а дом высоко взлетел на внезапно возникшем пригорке... Сплошь и рядом – одна половина строения цела, другая в развалинах. Вот трещина подошла под дерево и расщепила надвое могучий карагач... Всюду работали люди, откапывая трупы и собирая, что осталось от домашнего скарба. Иногда слышались причитанья или громкий плач. Лица встречных были землисты и поражали выражением застывшего на них испуга или страшного оупения. Таранчинские и дунганские ребята жалко просили милостыню, протягивая руки... Сердце разрывалось при виде общего горя.

В первый день Рождества, во время литургии в Кафедральном соборе¹⁵, почувствовался подземный толчок. Молящиеся с криками, в панике, ринулись было к выходу, и, наверное, дело не обошлось бы без человеческих жертв в тесноте и давке, если бы Владыка не спас положение. Он вышел на амвон, властно приказал своей пастве остановиться и не покидать церкви, пока не кончится служба. Толпа опомнилась и успокоилась... Надо сказать, что верненский собор был построен так, что мог выдержать самое сильное землетрясение: он был деревянный и весь на шарнирах и болтах и, хотя, во время толчков, и качался заметно для глаза, – являлся самым безопасным убежищем в городе.

Какой-то юродивый бродил по улицам, громко крича: «горе, горе!» и советуя всем готовиться к смерти, так как скоро разверзнется бездна и поглотит город. Но и без него

Жертвы семирѣченскаго землетрясенія.

По рисункумъ В.В.В.

Жертвы верненскаго землетрясенія.

¹⁴ Имеется в виду участие русских моряков четырех кораблей Балтийского флота в спасательной операции в итальянском городе Мессине, после сильнейшего землетрясения 28 декабря 1908 года. – М.И.

¹⁵ Туркестанский кафедральный собор в городе Верном (ныне Свято-Вознесенский кафедральный собор). Построен в 1904-1907 годах инженером А.П. Зенковым по проекту архитектора К.А. Борисоглебского. Памятник деревянного зодчества. – М.И.

умами злополучных обывателей овладела навязчивая мысль, что Верный «провалится» или что где-нибудь в его окрестностях возникнет вулкан и затопит лавой все вокруг.

Под Новый Год было опять довольно сильное землетрясение, потом толчки сделались реже и слабее, и жизнь начала мало-помалу, входить в обычную колею...

Мне пришлось побывать в Верном два раза и любопытно, что оба раза суждено было пережить там необыкновенные события. С вторичным моим пребыванием в этом городе опять-таки связано воспоминание о катастрофе, но такой, от которой потряслась и рухнула вся Россия, а именно – там застало мою семью объявление Великой Войны¹⁶.

Осенью 1913 года отец мой, по возвращении из Петербурга, где он был в командировке, был снова назначен в Верный со своей любимой 4-ой сотней. Кроме 4-ой, в то время там стояла еще и 6-я сотня того же 1-го полка, под командой есаула И.В. Водопьянова.

В Верном царило тогда небывалое оживление по случаю большой и очень удавшейся юбилейной сельскохозяйственной выставки. Было много приезжих из других городов Семиреченской и соседней Сыр-Дарьинской области. Откуда-то «из России» (подразумевалось: из европейской) прибыла недурная драматическая труппа, дававшая в общественном собрании спектакли, неизменно при полных сборах. Два кинематографа: – неважный «Марс» и «шикарный» по тем временам «XX век» были тоже постоянно битком набиты публикой.

Наша дивизионная семья жила очень дружно. Вместе посещали верненские увеселения, часто собирались друг у друга. 4-го октября оживленно и торжественно отпраздновали наш сотенный праздник, к которому отец заказал в местном монастыре большой образ патрона сотни, св. Иерофея, а мать мой, собственно-ручно сшила из толстого шелка новый сотенный значок: зелено-красный, с узкой белой полоской посередине.

Всем нам жилось тогда как-то особенно хорошо. Говорят, так всегда бывает перед большим несчастьем. Мои родители особенно сблизились с семьей подьесаула Ерковского, старшего офицера в отцовской сотне. Веселый, жизнерадостный, остроумный – Владимир Николаевич был везде желанным гостем... Кто мог предполагать тогда, что всего лишь через год падет он смертью храбрых на далеких полях Польши и распадутся в прах жизнь и счастье его близких.

Незаметно промелькнула зима. С приходом весны все военное население Верного перекочевало в лагерь. Этот лагерь, как и Тышканский, расположен был у самых гор (хребет Александровский¹⁷), но – в противоположность тому – весь затерялся в садах. Вместо неудобных барачков были дачи, многие из них – красивые и благоустроенные. Особенно выделялись: архиерейская дача, вся потонувшая в кустах роз, и губернаторская, в виде высокой башни, уже совсем в горах. Склоны гор были покрыты зарослями диких яблонь, шиповника, терновника и калины. Журчала по камням Алматинка. Из садов несся аромат левкоев, гвоздики и шафрана. Свистели иволги и сочно шелкали соловьи. И совсем издали доносился лагерный шум...

Лето было в самом разгаре. И вдруг громом среди ясного неба грянула мобилизация, за которой последовало и объявление войны...

¹⁶ Великая война – так до революции называли Первую мировую войну 1914-1918 гг. – М.И.

¹⁷ Здесь М.В. Волкова путает хребет Заилийский Алатау, где располагались летние лагеря Верненского гарнизона и хребет Александровский (ныне хребет Киргизский Ала-Тоо). – М.И.

Жизнь словно перевернулась. Все ее прежние интересы стали вдруг такими мелкими, ничтожными! Все потонуло в море тревог, волнений, трепетного ожидания агентских телеграмм и неподдельного энтузиазма. Со всех сторон стекались пожертвования на войну, на «раненых солдатиков». В кружки сборщиков сыпались обручальные кольца и сорванные с шеи золотые и серебряные кресты. С восторгом читались известия о наших победах в Восточной Пруссии. И была уверенность в скором и счастливом исходе войны. Многие офицеры боялись опоздать на фронт и мечтали о походе.

Из штаба полка пришло распоряжение 4-ой сотне (6-я еще весной ушла в Джаркент) быть готовой и присоединиться на марше к полку. Сотня покинула лагерь.

Семьи офицеров тоже спешно перебирались в город. Моя мать выкопала из клумб все цветущие астры и левкои и перевезла их с собой, так что наша гостиница превратилась в очаровательный зимний сад. Была потребность последние мирные дни пожить красиво, красиво уйти в новую неведомую жизнь.

Приехало начальство – генерал Калитин и полковник Раддац с семьей. Как сейчас помню доброе, симпатичное старческое лицо П.П. Калитина с живыми, умными глазами. – «Ну, здравствуй, душечка, как же ты выросла!» – говорит «дедушка» Калитин и целует меня в щеку. И мне приходит мысль, что этот ласковый, милый старик, может быть, будет убит на войне, как может быть убит и мой обожаемый отец – ведь война потребует бесчисленных жертв. И было страшно, хотя и очень интересно жить...

А вот и Эрнест Августович Раддац, прямой, высокий, с гордо откинутой назад породистой головой. Он восхищается нашим уютом, цветами и говорит, что, без сомнения, мы скоро опять вернемся к домашнему очагу. – «Война не может быть продолжительной – через несколько месяцев мы разобьем немцев!» – и странно слышать его неправильное немецкое произношение...

Прибывают офицеры 1-го и 2-го полков, выехавшие вперед со своими семьями. У всех настроение наэлектризованное, ни тени сомнений в торжестве России и в скором возвращении на старые квартиры.

1-й полк вступает в Верный. Дневка. Потом – поход дальше. 4-я сотня присоединяется, чтобы уйти в рядах полка. Нам предстоит расстаться с отцом, т.к. мы, пока, остаемся в Верном – для приведения в порядок дел – и догоним полк, недели две спустя, на походе. Семья В.Н. Еркового уже осиротела, т.к. он уехал сразу после объявления войны в Войско, в один из второочередных полков.

Наступает приснопамятный день. Группа офицерских жен с детьми стоит за городом у Пишпекского тракта, по которому должны пойти казачьи колонны. Подъезжает полк. Раддац, за ним еще несколько офицеров. Спешиваются, здороваются. Эрнест Августович советует дамам отойти в сторону от дороги, потому что «здесь будет очень пыльно идет»...

Вот показался лес пик. Взвод за взводом, сотня за сотней, трубачи и обоз с тарахтящими фурманками, походными кухнями и лазаретными двуколками в полном порядке проходят мимо нас и скрываются вдаль. Офицеры прощаются с близкими, со знакомыми. Слышатся напутствия, заглушенные всхлипывания. Дрожащие руки крестят дорогих отъезжающих. Топот коней, отдаленные звуки песни – и все смолкает и скрывается в густых облаках пыли...

– «Вернутся ли?» – спрашивают сами себя осиротевшие женщины и молча, с покрасневшими глазами, усталой поступью идут обратно...

16 марта 1933 г.

КОКЧЕТАВ

Кто из Сибиряков не знает Кокчетав? Должен знать всякий, т.к. этот маленький городишка являлся центром 1-го Отдела, одного из трех отделов нашего Войска. Но, собственно, сам по себе он ничего не представляет замечательного: типичное захолустье, где в былые годы жизнь текла до того медленно, что, казалось, – она вечно стоит на месте и только по седеющим головам и подрастающим ребятам можно было все-таки заметить полет времени.

Славился Кокчетав своей классической грязью в весеннюю и осеннюю пору. Была она настолько вязкой и глубокой, что нечего было и пытаться перейти через улицу в калошах, – все равно увязнут и останутся в трясине – иначе как в сапогах или в «кораблях» не пройдешь. Да еще знаменит был озером, на берегу которого дома расположились полукругом. Это озеро было средоточием кокчетавской жизни в течение всего лета.

С утра до вечера на своеобразном «пляже», в который прямо упирались десятки глаз – окон, копошился народ. Старые и малые, мужчины и женщины, русские и татары омывали свои распаренные зноем тела в чистой, прозрачной воде озера, прозрачной несмотря на то, что из дворов все ненужное выбрасывалось и сваливалось прямо с берега, удобства и скорости ради. Простота нравов царила умирительная.

Берег был гол, – ни кустика, ни деревца и приходилось раздеваться на виду у всех; было несколько купален, но так далеко, что не стоило в них ходить – все равно устанешь и замаешься; о купальных костюмах, конечно, совершенно не могло быть и речи; но это никого не смущало: все привыкли. Тут и купались, тут бабы полоскали белье, тут же какой-нибудь мужичок въезжал с водовозкой в воду и, наполнив бочку доверху, с криком гнал лошадь, тут же казаки поили коней. Словом, оживление было большое.

И вот в этот то городок потянуло с Кавказа моего отца. Два года длилась уже война, и тоска по родному краю пробудилась в нем безудержная. Он написал матери в Петроград, чтобы она не выезжала на дачу, как обыкновенно, а отправилась бы со мною в Кокчетав, т.к. он надеется в середине лета получить отпуск и хочет непременно побывать в Сибири. Из Кокчетавы мы вместе поехали бы в Омск, а затем совершили бы чудную поездку на пароходе по Иртышу.

Перспектива была очень заманчивая. Мать, конечно, поступила по желанию отца, и, в начале июня, мы двинулись из Петрограда в Петропавловск, а оттуда, «по веревочке», добрались и до Кокчетавы. Но наши надежды не оправдались. Полк отца все лето был в боях и только в конце августа, когда наступило затишье, долгожданный гость смог приехать к нам. Но тогда уже поздно было думать о поездке по Иртышу: надо было торопиться в Петроград, я и так уже опоздала к началу занятий.

Итак, летние месяцы прошли для нас в постоянном напряжении, в тоске и были совсем отравлены. Долго после того я с неприятным чувством вспоминала время, проведенное в Кокчетаве, считая его вычеркнутым из жизни. Но странно, с годами это воспоминание совершенно переменяло свой характер, шерохова-

тости и серые тона приобрели мягкий розоватый оттенок. О, теперь на многое смотришь под иным углом зрения и ценишь то, мимо чего равнодушно или с усмешкой проходила в дни юности.

И я вижу, кроме смешных, глубоко-провинциальных нравов, неинтересной жизни, пустынных и скучных улиц и неопрятного озера все то, что проглядела раньше: патриархальный быт, широкое хлебосольство и радушие, людей хоть скромных, но самобытных и содержательных, и родную степную природу. А что значило одно сознание того, что все это свое, казачье, и что ты – дома. Но тогда в голову не приходило, что когда-нибудь может быть иначе.

Теперь вот даже калачи и шаньги и то вспоминаешь с умилением. Да и в самом деле – разве пекут где-нибудь такие румяные, вкусные шаньги с коричневой, хрустящей корочкой, как у нас, в Сибири? Разве калачи наши, из темной, пепельного цвета пшеничной муки, тоже не единственные в своем роде? И если день начинается этими калачами и шаньгами, да еще с холодным – как лед, и густым, как сливки, молоком в придачу, то, право же, грешно жаловаться.

Целый день – полная свобода. Хочешь, – читай что-нибудь (в городском училище есть все русские писатели); хочешь – смотри в окно, как идут куда-то солдаты местной команды, как расходятся торговки с базара, как целый воз татар едет на озеро купаться; хочешь – иди за каким-нибудь пустяком в лавку «тети Грудиной», где, наверное, собрался «клуб». Идя по улице, встретишь массу знакомых. Вот с улыбкой здоровается красивый кадет – шестиклассник Костя Самсонов, с другой стороны улицы кланяется уже кончивший кадет Володя Калачев, будущий юнкер-николаевец. Грузная Александра Никифоровна Самсонова сидит возле своего дома на лавочке. Проходит обычной деловой походкой атаман Отдела Ефим Прокопьевич Березовский¹⁸ – в свою канцелярию. В хорошем ресурсном ходке торопится куда-то войсковой старшина в отставке П.Ф. Таранов, – почетное лицо в городе. У ворот везде вьются ребята, играющие в горелки. В окне низенького дома – красивое лицо скучающей m-me Акридовой. Все свои, все друг друга знают...

С грехом пополам проходит время до 5 часов. В пять мы с матерью отправляемся в кондитерскую Филимонова, где пекут очень вкусные пирожные, настолько вкусные, что до следующей выпечки никогда ни одного не остается. Мадам Филимонова, особа свирепого вида, с необыкновенно буйной прической, за которую удостоилась получить от нашей квартирной хозяйки, Марьи Ивановны Мельниковой, беззастенчивое прозвище «пужало», собственноручно выбирает нам пирожное.

Относим покупку домой, пьем чай и тогда идем гулять. По дороге подхватываем всех знакомых соломенных вдов (мужья все на фронте), подростков и детей и целой гурьбой отправляемся «на сопку». Сопка эта сейчас за городом. С нее видно далеко вокруг. Сидим на камнях, покрытых коротким мхом, словно бархатом, вяло болтаем и смотрим на озеро – как красиво отражается в нем закат.

Пахнет богородской травой, свежестью и безмятежием... Наступают сумерки. Детворе надо ужинать, и мы возвращаемся домой. Пастух, дурачок Сеня, бежит

¹⁸Березовский Ефим Прокопьевич (1869-1953) – полковник, участник Русско-японской войны 1904-1905. В 1918-1920 – председатель Войскового правительства Сибирского казачьего войска. С 1920 в эмиграции в Китае. В 1924-1945 глава Войскового представительства Сибирского казачьего войска за рубежом. В 1945 арестован контрразведкой СМЕРШ в Харбине и вывезен в СССР. Умер в Минлаге МВД в Коми АССР. – М.И.

в обтрепанном армяке и машет длинным кнутом. На крылечке находим нашу хозяйку: она любит поговорить и каждый вечер выходит посидеть с нами. Марья Ивановна – казачка, староверка. В доме у нее чистота образцовая.

Муж ее – фельдшер, сама же она совершенно необразованная женщина, кажетя, даже пишет с трудом. Но природного здравого ума у нее не занимать. Своим двум дочерям она постаралась дать «настоящее» образование, обе кончили гимназию в Омске и потом вышли замуж за офицеров. Любопытно послушать Марью Ивановну: она знает биографию каждого кокчетавца, у нее – тонкая наблюдательность и мудрый подход к жизни.

Рассказывает она интересно, простым и образным казачьим языком. Сколько различных событий произошло на ее глазах, сколько неизвестных, незапомнившихся драм она знает. Многие из ее историй так и просятся на бумагу. Неудивительно, что мы подолгу просиживали с ней на крылечке и часто расходились на покой, когда все вокруг уже спало.

Иногда за нами заходила компания и мы отправлялись от нечего делать в кинематограф. Да! В Кокчетаве был и кинематограф и притом такой, какого, пожалуй, ни в каком другом городе Российской Империи не было. В городском саду, не отличавшемся ни пышностью деревьев, ни своими размерами, красовалось небольшое строение, вроде наскоро сколоченного балагана. Там стояли рядами длинные некрашенные скамейки, но этих сидений не хватало, и половина публики стояла, впрочем нисколько на это не обижаясь.

Содержание фильм всегда оставляло в зрителях чувство неудовлетворенности, т.к. предприимчивый хозяин кинематографа доставал, вероятно, по очень дешевой цене, обрывки негодных лент и сам кое-как состряпывал их вместе, так что иногда шло две или три драмы вперемешку, и часто конец был сначала, а начало – потом...

Демонстрация картин сопровождалась, как полагается, музыкой, причем оркестр состоял из довольно хриплой гармоник, на которой чьи-то не особенно искусные руки наигрывали всегда один и тот же мотив: «Прощайте родные, прощайте друзья, прощай дорогая невеста моя».

Много лучше этого развлечения были поездки на рыбалку. Запрягалась большая телега, на нее нагружались съестные припасы, старые одеяла, чтобы разостлать потом на траве, самовар и ребята. Солидная публика размещалась на трашпанках¹⁹ и веселый поезд с громкими возгласами и смехом двигался за семь верст на речку Чиглинку, где хорошо клевали окуни и язи.

Чиглинка – небольшая речушка с живописными берегами, поросшими тальником и черемухой. Недалеко от излюбленного «рыбного» места были среди широкой равнины, разбросаны маленькие озера или болотца, в них водились и караси. Сплошной рамой окружали их камыши, или – как у нас называют – «маралки», а на поверхности плавали тысячи кувшинок белых и желтых. Казаки и детвора накапывали червей и насаживали их на удочки. Все разбрелись по берегу и сосредоточенно следили за поплавком. Несколько раз закусывали, лежали на траве, глядя в небо, лениво перебрасывались словами, потом опять шли рыбачить и только когда начинало смеркаться, снимались с бивака и, утомленные движением на свежем воздухе и довольные хорошо проведенным днем, возвращались восвояси.

¹⁹ Трашпанка – одноконная, плетеная из лозы повозка на рессорах. – М.И.

О чем еще надо упомянуть, раз речь зашла о Кокчетаве, это – о прелестном Кокчетавском кладбище. Я понимаю, почему наш хороший знакомый, В.Н. Ерковский, правда – уроженец Кокчетавской станицы, предчувствуя близкую смерть, завещал перевезти свое тело на родину и непременно похоронить в Кокчетаве.

Мы посетили с матерью его могилу и обошли все кладбище. Мне редко приходилось видеть такие кладбища, где как-то не хочется предаваться черным мыслям. Все здесь так мирно, приветливо, почти радостно. Расположилось кладбище на горке, поросло березами, кустами шиповника и массою полевых цветов. Нет на нем ни красивых памятников, ни массивных крестов и оград, все просто и незатейливо, как просты и бесхитростны были те люди, что нашли здесь вечный покой. Но эта именно простота и слияние с природой как раз особенно действуют на душу. Они как-то примиряют с кажущейся жестокостью и несправедливостью человеческого жребия...

С кладбищенской горки открывается отличный вид. Издали, когда все неказистые мелочи стираются, маленькой городок, расположившийся полукругом над зеркальными водами озера, с двумя своими церквями – станичной и городской – и скромными домиками с крашеными крышами и ставнями, кажется привлекательным и даже живописным. А кругом расстилается ровная, как скатерть, привольная степь, в которой есть где разгуляться широкой казачьей душе. И в степи помахивает русыми головками ковыль, скромно прячутся цветы бессмертника, и полынь насыщает воздух своим горьким ароматом...

Времена изменились. Люди приходят и уходят, надежды вспыхивают, гаснут и опять зарождаются, а степь – все та же... Она всегда, всегда одинаково бела зимой и радостна изумрудна летом, она благоухает и словно завороченная, молчит и ждет...

16 марта 1933 г.

«Сибирский Казак. Войсковой юбилейный сборник Сибирского Казачьего Войска. 1582 – 1932 г.», выпуск первый, Харбин, 1934.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма Марии Волковой Владимиру Рудинскому

(публикуется впервые)

21.11.55.

Многоуважаемый господин Рудинский!

Благодарю Вас за Ваше любезное письмо! Оно меня очень порадовало, т.к. получив разъяснения по интересовавшему меня вопросу от Е.М. Яконовского²⁰, а не от редакции «Русского Воскресения»²¹, я решила, что редакция не находит нужным непосредственно отозваться на мое письмо с просьбой об этом. Хорошо,

²⁰Яконовский Евгений Михайлович (1903-1974) – прозаик, критик. Участник Гражданской войны, кадет Оренбургского Неплюевского и Одесского кадетских корпусов. С 1920 в эмиграции в Югославии и Франции. Сотрудник журналов «Военная Быль», «Возрождение», «Грани». – М.И.

²¹«Русское Воскресение» – русская эмигрантская газета, издававшаяся в 1955-1961 годах в Париже. – М.И.

когда можно хоть изредка из немалой суммы житейских разочарований вычеркнуть одно из слагаемых, что в данном случае и произошло!

Не ожидая больше отклика со стороны «Рус. Воскресения», я написала вчера редактору и, поблагодарив за разъяснение, данное через третье лицо, сообщила, что считаю инцидент исчерпанным.

То же самое могу повторить теперь и Вам, прибавив к этому личную Вам благодарность за непосредственное обращение ко мне, притом выдержанное в искреннем и теплом тонах.

Итак, помещение стихов в газете без моего ведома было только недоразумением, присылка же мне газеты вопреки моей просьбе не присылать – продолжением любезного внимания со стороны редакции, а не известным нажимом на меня, как это было мной воспринято (согласитесь сами, что весь ход дела не мог произвести на меня иного впечатления!) и что я в силу особенностей моего характера не могу переносить спокойно! Слава Богу, недоразумение выяснилось, и за доброе отношение – сердечное спасибо!

Все остальное изложено мною во вчерашнем письме. Добавить хотелось бы лишь следующее: никакого гонорара за стихи я принять не могу, т.к. считаю таковым присланные мне 20 номеров «Рус. Воскресения».

Желаю Вам всего хорошего, а Вашей уважаемой газете – успеха и процветания.

Примите уверение в искреннем моем уважении.

М. Волкова

23.10.56.

Глубокоуважаемый г. Рудинский

(простите, что обращаюсь так, не зная Вашего отчества).

Приношу мою искреннюю благодарность за Вашу любезность – № «Русского Воскресения», посланный мне, вероятно, Вами, как я предполагаю, исходя из того, что в нем помещен Ваш критический разбор творчества Николая Туроверова²² и попутно сказано о «казачьих поэтах» вообще, с упоминанием также и моего имени.

Одновременно, но уже из другого источника, я получила № 58 тетрадей «Возрождения»²³, где нашла Вашу статью обо мне под заглавием «Красота самоотречения».

От души благодарю Вас за эту статью, благодарю вдвойне: как за внимание к моей поэтической личности, так и за чуткий и верный подход к моему творчеству.

Вы сумели в немногих словах коснуться самого существенного и для иллюстраций высказанного Вами выбрали преимущественно наиболее показательные и типичные для меня вещи.

²²Туроверов Николай Николаевич (1899-1972) – известный донской поэт и писатель. Участник Первой мировой и Гражданской войны, подъесаул Лейб-гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка. В эмиграции в Сербии и во Франции. Автор нескольких поэтических сборников. – М.И.

²³«Возрождение» – русский эмигрантский журнал, издававшийся в 1949-1974 годах в Париже. – М.И.

После критики ныне покойного Владислава Ходасевича²⁴ на моих «Землепроходцев» мне не приходилось читать более проникновенного и исчерпывающего в своей сжатости отклика.

Особенно ценным и метким считаю я замечание Ваше о том, что мои «филозофские» стихотворения написаны «словно бы вне какой-либо среды и нации, на общечеловеческом языке». – Добровольное укладывание себя в рамки исключительно региональных тем свидетельствовало бы об известной односторонности узости и недостаточном внутреннем росте. В зрелые годы это можно считать только прискорбным явлением: горе поэту, который не в силах пробиться до общечеловеческих вопросов и устремлений! «Вечные» темы постоянно разрабатывались и разрабатываются на протяжении долгих столетий и все же волнуют оттого, что они – вечные...

Выбор Вами заглавия для Вашей статьи изобличает Вашу исключительную интуицию, т.к. в нем Вы как бы указали на едва заметный переход одной в другую линий творчества и личности. Вынося за скобки свое субъективное впечатление, я должна Вас поздравить с несомненной удачей. –В Вашей статье слились в законченное целое: внимательный анализ стихов, тонкое проникновение в психологию их автора, удачный подбор примеров, умение выделить главное из менее важного и, наконец, верный и искренний тон! Все это – отличные данные для критика, и я желаю Вам дальнейших успехов на этом пути.

Примите мой искренний привет.
Уважающая Вас М. Волкова

²⁴Ходасевич Владислав Фелицианович (1886-1939) – известный русский поэт, критик и мемуарист. С 1922 в эмиграции в Германии и Франции. – М.И.

